

В.В. Тихонов. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.)

Из всех периодов истории СССР самым пристальным вниманием исследователей традиционно пользуется сталинский — пожалуй, нет другого временного отрезка в рамках этих 70 лет, который был бы изучен столь подробно. И это справедливо: обилие событий, имевших судьбоносное значение для нашей страны и всего мира, их спрессованность, взаимоналожение и взаимовлияние производят глубокое впечатление и неизменно притягивают внимание общества. В современной России эти вроде бы давно ушедшие десятилетия занимают особое место: кажется, нет конца дискуссиям, спорам, борьбе вокруг них. Складывается впечатление, что Сталин — не историческая фигура, а актуальный общественно-политический деятель, а «его» эра — не далёкое прошлое, а закончилась буквально вчера (если закончилась вообще).

Обилие и разноплановость публикаций поистине поражают. Казалось бы, изучено всё, что можно. Однако, к радостному удивлению коллег и читателей, регулярно появляются работы, заглядывающие в очередные «вырванные страницы истории», заполняющие лакуны в наших знаниях о том или ином явлении в тот или иной период эры, получившей название «сталинизм». Одна из таких работ — книга В.В. Тихонова¹. Её автор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, обратился к теме, как оказалось, весьма малоизученной — бытованию исторического сообщества СССР в годы идеологических кампаний позднего сталинизма. Книга в неповторимом авторском стиле развеивает представления о поголовной сервильности историков изучаемого периода. Вместе с тем это захватывающий взгляд в закулисы производства исторического знания — важнейшего компонента тщательно выстраиваемой в сталинские годы «картины мира». Взгляд, сформированный при помощи самых современных методик исследования и на основе широкого и разнообразного документального комплекса. Взгляд небесспорный, где-то полемически заострённый, даже конфронтационный. Но главное — высвечивающий картину сообщества, монолит которого на поверку оказался лишь набором разных составляющих: зачастую не вполне «стыкующихся», порой прямо конфликтующих и разнонаправленных, спаянных лишь волей непреодолимой силы.

В обсуждении книги приняли участие доктора исторических наук А.М. Дубровский, С.В. Кондратьев, О.Л. Лейбович, Л.А. Сидорова и кандидаты исторических наук М.А. Базанов и М.В. Ковалёв.

Материал подготовлен В.Н. Кругловым

¹ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. Середина 1940-х — 1953 г. М.: Нестор-История, 2016. 425 с.

Монография В.В. Тихонова — давно ожидаемое исследование. Не потому, что автор много и плодотворно изучает отечественную историческую науку, а потому, что существует запрос не только на историографию, в частности изучение присущих советскому историописанию подходов, речевых стереотипов, ритуальных фигур речи, но и на реконструкцию поведенческих практик, их вариантов, а если позволяют архивные материалы — то и девиаций.

Отмечу репрезентативность книги: автор методично и педантично проработал архивные фонды Москвы и Санкт-Петербурга, собрал массовый материал и представил картину целостную, заполненную сотнями персонажей — как больших учёных, так и «маленьких людей» науки. Аннотированный указатель имён весьма внушительен и вызывает уважение к проделанной работе. Перед нами, как говорил А. Дюма, книга, под тяжестью собранного в которой материала неизбежно должен прогибаться стол (если, конечно, материал не был предварительно оцифрован).

На мой взгляд, в тексте можно выделить три сюжетных линии. В первых двух главах автор излагает историю становления советской исторической науки. Власть старательно вписывала историю в создаваемый ею институциональный и идеологический ландшафт. «Учёные постепенно оказались частью элиты, оплачивая эту элитарность источниковедческим обоснованием спускаемых сверху установок. Однако лояльность не избавляла ни от кампаний, ни от гонений».

Справедливо подчёркивается, что в 1930-х гг. наметился отход от интернациональных принципов первых революционных лет. Оставив надежды на мировую революцию, режим начал внедрять в массы идеи «советского патриотизма», главенства и прогрессивности русского народа, объединившего вокруг себя своих «младших братьев». Река истории должна была протекать по руслу «Краткого курса истории ВКП(б)», который обрёл статус сакрального текста. Одновременно сформировались несколько базовых концепций (вроде раннефеодалного характера древнерусского государства авторства Б.Д. Грекова или древневосточного рабства В.В. Струве), творцы которых заняли в науке командные посты. Окончательный поворот к «советскому патриотизму» произошёл в ходе Великой Отечественной войны. В первые послевоенные годы, когда между бывшими союзниками началось противостояние, история оказалась не только «фронтом», но и актуальным мобилизационным ресурсом, а описываемые кампании — важным инструментом мобилизации и сплочения вокруг власти и фигуры «вождя».

Советская власть, считает Тихонов, держалась не только на насилии, но также на идеологемах и мифологемах. Он обрисовывает набор символов советского человека и определяет место истории в его формировании, обращая внимание на милитаризацию массовой психологии и героизацию прошлого. Используемый повсеместно термин «исторический фронт» подчёркивал, что история — поле постоянного противостояния.

Крайне интересна глава, повествующая о том, как формировались школы, как внутри них поддерживалась устойчивость, как функционировали патрон-

клиентские отношения, возникали, полыхали и гасились внутрикorporативные конфликты, а также что происходило с клиентелой после низвержения лидера. Собственно, многие намеченные в ней сюжетные линии разворачиваются в последующих главах и проиллюстрированы антропологическим материалом.

Важны поколенческие наблюдения автора. Он отмечает, что в 1930 г. произошёл окончательный разрыв с традициями дореволюционной «русской школы». Молодые учёные, воспитанные на господствующей идеологии, были «в целом преданны советской власти и лично Сталину». Многие воспринимали науку как социальный лифт и готовились занять в ней место не обретением компетенций, а приобретением или близостью к власти.

Большую часть монографии занимает вторая и основная сюжетная линия — характеристика самих идеологических кампаний. Автор подробно останавливается на борьбе с «буржуазным объективизмом» и «безродным космополитизмом». Ново здесь то, что он, во-первых, разводит их сюжетно и тематически, но подчёркивает их имманентность, во-вторых, скрупулёзно воспроизводит ход «проработок» и дискуссий практически во всех научных и учебных заведениях исторического профиля Москвы и Ленинграда. Показано, что «проработки» готовились, у них были сценарии, режиссёры, солисты и исполнители. Важно, что автор нигде не даёт организаторам и жертвам «проработок» шаблонных характеристик. Особое внимание уделено жертвам, одни из которых покорно подчинялись обстоятельствам, признавали «ошибки и извращения», а другие — выстраивали линию обороны, аргументированно возражали (что в определённых случаях приносило свои плоды). Прекрасно показано, что в каждом отдельном учреждении кампания обретала собственную, неповторимую драматургию.

Обращаясь к немногочисленным дневникам, Тихонов воспроизводит тот когнитивный диссонанс, который вызывали у историков «разоблачения», как они пробуждали сомнения в правильности происходящего, как травмировали сознание и деформировали личность. Отдельный и очень интересный материал представлен в восьмой главе, посвящённой анализу того, как развенчание И.В. Сталиным яфетической теории академика Н.Я. Марра, являвшейся ранее официальной, и статья «вождя» о проблемах политэкономии сказались на судьбах историков и археологов.

Мне как специалисту по позднему Средневековью и Раннему Новому времени наиболее интересны и близки те разделы, которые описывают состояние и поведение медиевистов. Тихонов отмечает, что в послевоенное время они старались обозначить преемственность со старой русской школой и мировой наукой. В мемориальных сборниках («Средние века», посвящённом Д.М. Петрушевскому, и возрождённом «Византийском временнике», посвящённом Ф.И. Успенскому) эта идея звучала рефреном. Однако она оказалась решительно отвергнута работающими в секторе Средних веков Института истории АН СССР коммунистами З.В. Мосиной, Н.А. Сидоровой и др. Доходило до рекомендаций свести ссылки на иностранных авторов к минимуму.

Как показывают материалы кафедры Средних веков МГУ им. М.В. Ломоносова периода борьбы с космополитизмом, отдельные историки пытались свести счёты с конкурентами, занимающимися близкой тематикой, как например, Б.Ф. Поршнев — с О.Л. Ванштейном, З.Ф. Мосина — с А.Д. Люблинской. К чести медиевистов, они «не обнаружили» в своей среде «космополитическую

группу». В книге показаны достоинство, с которым готов был взять на себя вину за «ошибки» Е.А. Косминский, выдержка и сила духа, с которой защищался от обвинений А.Н. Неусыхин.

Касаясь представителей других корпораций, автор отмечает, что они перед лицом нападок проявляли большую солидарность, нежели медиевисты. В книге нет примеров того, как специалисты по Средним векам сигнализировали в партийные органы об отходе своих коллег от марксизма. Но такие случаи имели место. Например, мне приходилось видеть переписку Вайштейна с одесским профессором С.Я. Боровым, которая свидетельствует, что Поршневу в 1945 г. писал в ректорат Ленинградского университета письма с требованием запретить Вайштейну заниматься изучением Тридцатилетней войны.

В работе предпринята попытка типологизировать участников идеологических кампаний. Помимо традиционного деления на «гонителей» и «гонимых», автор выделяет ряд типажей в соответствии с их поведением. Среди гонителей это «контролёры», «бескомпромиссные борцы», «критики-корректоры», «научные оппоненты», «наблюдатели от вузов» и «соглашатели», разделённые на два вида. Среди гонимых — «частично признающие ошибки», «отрицающие обвинения», «защитники», «примиренцы», «сваливающие ошибки на умерших», «невялывшиеся на проработочные заседания».

На примерах Х.Г. Аджемьяна и И.И. Мордвишина исследуется роль в идеологических кампаниях «маленьких людей». Они порой активно «сигнализировали о недостатках», инициировали разбирательства, давали им новые повороты, эпатировали почтенную академическую среду.

Третья сюжетная линия, которая представляется мне наиболее интересной, касается антропологии учёных, их поведения и намерений, судеб реализуемых ими проектов и руководимых ими структур. Тихонов всматривается в патрон-клиентские отношения, фракционные связи, лоббистские возможности в борьбе за должности, ресурсы, премии, проекты, внутрикорпоративные конфликты, а также последствия для победителей и проигравших. «Лидеры, — пишет он, — ревниво опекали своё положение, стремились вытеснить конкурентов, задавить идеи, противоречащие их концепциям». При этом справедливо отмечается, что лидерство было одновременно сделкой с властью, в которой установленные сверху правила игры принимались в «обмен на поддержку идей».

Автор предлагает наброски своеобразных кодексов поведения партийных и беспартийных историков. В этой связи интересна корпоративная борьба за Сталинские премии. Лауреатство часто определялось реальными научными достижениями, нередко — идеологическими причинами, иногда и случайными факторами, но решающее слово всегда оставалось за Сталиным. Книги лауреатов на долгие годы заложили интерпретационные модели многих исторических явлений и процессов.

Отдельная глава работы посвящена становлению историографии как отрасли советской исторической науки, призванной подчеркнуть непревзойдённые достоинства марксистско-ленинской науки по сравнению с дореволюционной, а также вести «бескомпромиссную борьбу» с наукой западной. Важной миссией историографии стало требование находить методологические недостатки в работах современников и критиковать их за слишком частое и корректное обращение к зарубежным исследованиям. Показательно, что в ходе кампаний по-

страдали авторы наиболее квалифицированных историографических работ — Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн.

В монографии немало других интересных и захватывающих сюжетов. Например, очень интересно читать об историко-документальных проектах академика И.И. Минца по сбору воспоминаний участников Гражданской и Великой Отечественной войн. Книга, как сказал бы М. Блок, «пахнет человечиною». Каждый параграф, оставшийся недосказанным или недорассказанным в силу фрагментарности материала, намечает сюжетные линии, которые, надеюсь, будут развёрнуты в новых исследованиях автора.

Олег Лейбович: *Война всех против всех*²

Oleg Leibovich (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg; Perm State Institute of Culture, Russia): War of everyone against everyone

DOI: 10.31857/S086956870005915-7

Когда читаешь книгу В.В. Тихонова, всё время возвращаешься к мысли: это же историческая иллюстрация к Т. Гоббсу, точнее — к самому известному его тезису о «войне всех против всех» как естественном состоянии людей до заключения ими общественного договора. Современный исследователь наследия этого британского мыслителя тут же поправил бы меня: «Гоббс не описывает реальные события, он почти не обращается к реальной истории»³. Тихонов, напротив, тщательнейшим образом реконструирует битвы историков в первое послевоенное десятилетие: закулисные интриги, хладнокровные доносы, неистовство обличителей, неуклюжие манёвры подвергшихся нападению, искренние и неискренние раскаяния, честолюбивые мечты одних и желание спасти других, крушение авторитетов и восхождение новых людей... Всё это очень напоминает гражданские войны древности. Историк находит им другое название: «коллективное безумие», тут же оговариваясь, что «внутренне они имели свою железную логику». По его мнению, в этих идеологических кампаниях речь шла о столкновении «двух неравных в своём могуществе сил: партийной и академической среды, их специфических культур» (с. 374).

Впрочем, в ином месте автор характеризует кампанию как «иррациональные по своей сути» (с. 380). Представляется, однако, что это объяснение излишне схематично. Автор сам напоминает, что «история уже давно была участком “идеологического фронта”, а научная корпорация была насквозь пронизана партийными структурами» (с. 374). В такой ситуации вряд ли правомерно говорить о столкновении культур — скорее, речь идёт о внутреннем напряжении в общей освоенной историками и партийными работниками советской культуре. Можно взглянуть на эту ситуацию иначе, с институциональной точки зрения.

К началу 1940-х гг. советская историческая наука оформилась как особый социокультурный институт со своими нормами, идейными ориентирами, символическими фигурами, распределением статусов и ролей, строгой иерархией

² Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221) в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН.

³ Филитов А. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. 2009. № 3. С. 111.